

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2024. № 4 (44). С. 109—116.

Economic and Social Research. 2024. No. 4 (44). P. 109—116.

Научная статья

УДК 1(091) + 159.99

doi: 10.24151/2409-1073-2024-4-109-116

<https://elibrary.ru/idwork>

Проблема субъектности в работах Э. В. Ильенкова

Н. В. Листратенко

Российское философское общество «Диалектика и культура», Москва, Россия

natalialistratenko@gmail.com

Аннотация. Осуществлен обзор корпуса классических философских текстов для поиска и обнаружения философских оснований деятельностного подхода к мышлению человека. Проблема субъектности проанализирована через призму философского наследия Э. В. Ильенкова. Рассмотрена философская проблема начала личности, условий и основных принципов формирования человеческих способностей в контексте возможности свободного действия, сознательного и разумного целеполагания. Акцентируется роль предметно-практической деятельности как основания субъектности, а также значение конкретно-исторических форм общения для ее становления. Сделан вывод о том, что принципы, получившие развитие в работах Э. В. Ильенкова, являются ключом к пониманию проблемы субъектности сегодня.

Ключевые слова: Ильенков, субъектность, деятельностный подход, немецкая классическая философия, формы общения

Для цитирования: Листратенко Н. В. Проблема субъектности в работах Э. В. Ильенкова // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2024. № 4 (44). С. 109—116. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2024-4-109-116> EDN: IDWORK.

Original article

The problem of agency in the works of Evald Ilyenkov

N. V. Listratenko

Russian Philosophical Society “Dialectics and Culture”, Moscow, Russia

natalialistratenko@gmail.com

Abstract. In this work, the classic philosophical texts corps was reviewed to seek and find philosophical foundations of activity approach to human thinking. The author analyzes the problem of agency through the prism of E. V. Ilyenkov’s philosophical heritage. The philosophical question

of the beginning of personality, conditions and basic principles of human abilities formation were considered in the context of the possibility of free action, conscious and reasonable goal-setting. The role of tool- and practice-based activity as the basis of agency is emphasized, as well as the importance of concrete-historical forms of communication for its formation. It has been concluded that the principles developed in the works of E. V. Ilyenkov are the key to understanding the problem of agency today.

Keywords: Ilyenkov, agency, activity approach, German classical philosophy, communication forms

For citation: Listratenko N. V. "The Problem of Agency in the Works of Evald Ilyenkov". *Economic and Social Research* 4 (44) (2024): 109—116. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2024-4-109-116> EDN: IDWORK.

Субъектность как проблема Я в контексте немецкой классической философии

«Субъектность» — слово не из повседневных оборотов речи, встречается, как правило, в строгих официальных выступлениях, законодательных актах или же академических работах. Нередко оно трансформируется и в более экзотические варианты, например, «метасубъектность». Имея должную сноровку и достаточно времени в запасе, из таких слов можно выложить причудливую мозаику, удивить читателя изяществом и оригинальностью лингвистических приемов. Можно, наоборот, сухо и предельно структурированно изложить результаты исследования специальной литературы, а также собственное суждение, при наличии, не отнимая понапрасну время тех, кто по долгу службы вынужден этот текст читать.

Но всё же проблема субъектности не просто так магнитом притягивает к себе философские дискуссии, выводя их за рамки производственной необходимости. Ведь за словосочетанием «целенаправленная деятельностная активность» стоит не что иное, как наша собственная способность действовать разумно и свободно. События сегодняшнего дня с новой остротой проблематизируют этот вопрос — мир вокруг стремительно меняется, и мы вынуждены меняться в ответ на этот вызов. Но чем

руководствоваться в своих изменениях? Специалисты в области психологии призывают в первую очередь искать «опору в себе», однако часто оставляют за скобками вопрос о сущности «себя». Идет ли речь о единичной экзистенции, о наличном факте собственного существования как единственной доступной достоверности? Что выражает привычное Я и достаточно ли оно устойчиво, чтобы справиться с возложенной на него задачей?

Философская мысль, в свою очередь, готова помочь найти ответ, но при одном условии. Это условие созвучно тому, что Аристотель писал в «Никомаховой этике» [1]: нам нужна добродетель не чтобы знать, что такое добродетель, а чтобы поступать добродетельно. Тот, кто знаком с трудами Э. В. Ильенкова, вряд ли удивится тому, что точно так же может быть поставлен вопрос об истине — совпадение истины, добра и красоты находит свое выражение в практике человека труда, знаменует движение к расширению пространства свободы, понятой не как «свобода от», но как возможность действовать согласно объективной необходимости.

В полном согласии с этим принципом проблема субъектности, или проблема Я, выступает как проблема деятельностного самополагания. Пытаясь определить Я эмпирически, мы быстро обнаруживаем, что любой

атрибут «меня» — человеческого индивида — мыслится как внешний по отношению к самому себе. Моя рука, моя голова или даже мой мозг — это вовсе не само *Я*, но что-то принадлежащее... к чему? Не удастся и мысленно схватить *Я* как совокупность чувств, идей, потребностей, ведь они постоянно меняются и эти изменения не затрагивают суть самости — как бы ни складывалась моя жизнь, я точно знаю, что мое *Я* не перестанет быть *Я*, вместо меня никто не будет мной. В то же время о себе я могу узнать по итогам своих дел, могу увидеть себя в зеркале, причем не только и не столько буквально — разглядеть свои черты на отражающей поверхности, — но увидеть образ себя благодаря всей совокупности отношений, которые имеют место в моей жизни. Иными словами, я вижу *Я* там, где я вступаю в контакт с окружающей действительностью. *Я* — это весь мир, представленный через меня. «*Я* только тогда есть *Я*, когда меня во мне нет» [7, с. 231] — пишет в «Философско-педагогических этюдах» Г. В. Лобастов, один из ближайших учеников Э. В. Ильенкова.

Эта мысль получила развитие в немецкой классической философии. Кант обнаружил в *Я* функцию синтеза мира как целого — познание, осуществляемое через наполнение содержанием мыслительных форм-категорий, порождает образ действительности, в которой практический разум — разумная воля субъекта, — осуществляет свое целеполагание. *Я* — «плавильная печь, огонь, который пожирает безразличное друг к другу многообразие и сводит его к единству» [2, с. 158].

Фихте критикует кантовскую предназначенность, априорность категориального аппарата, обосновывая необходимость дедукции категорий из единого принципа, которым для Фихте является *Я*. Более того, он показал, что субъект не только воспринимает мир в его данности, но выступает как создающее начало, творец не-*Я*.

В системе Гегеля был выстроен процесс развертывания самосознания субъекта через

присвоение противостоящих ему форм, являющихся в то же время полаганием себя вовне — так выглядит логически последовательное самодвижение субстанции-субъекта. *Я* у Гегеля выступает самой познавательной способностью, укорененной в мышлении как таковом. Нам при этом следует само мышление понимать не как самобытную мистическую сущность. «Мыслит лишь человек, находящийся в единстве с обществом, с производящим свою материальную и духовную жизнь общественно-историческим коллективом» [3, с. 183], мышление — идеальный компонент человеческой практики, способа производства материальной жизни.

Таким образом, *Я* содержит в себе универсальный аппарат освоения действительности, который, в свою очередь, не произволен и не независим, но представляет собой «частичку абсолютного», всеобщего по отношению к своей единичности. И, как в дальнейшем показал Маркс, таким всеобщим предстает историческая конкретность — совокупность производительных сил и производственных отношений, представляющая собой систему, целое, имеющее своим основанием способ организации труда.

Понимание взаимосвязи *Я* и мира в его единстве дает ключ к принципу разумного целеполагания. Разумная цель — не прихоть индивида, но звено общей цепи, потребность целого. Целостность же процесса развития обуславливает возможность воссоздать «обратную причинность» в мышлении. В бесконечной вариативности и изменчивости эмпирического материала субстанциональное единство позволяет выявить меру вещей, их внутренней объективной необходимости. Так рождается подлинная свобода воли. Свободный человек не противостоит логике предмета, стремясь разрушить ее и тем или иным способом внедрить некоторый «свой» способ действия, диктуемый иррациональной витальной силой. Напротив,

«в моем лице вещь обретает самосознание»¹. Способность мыслить формируется и осуществляет себя, «сливаясь» с логикой предмета, ее форма — это форма самой действительности.

Приведенные рассуждения, безусловно, не являются исчерпывающими для философского содержания проблемы субъектности — проблемы *Я*. Они также не представляют собой готового универсального «решения» этой проблемы, безошибочного ответа на все связанные вопросы. Но всё же они позволяют увидеть некоторую часть фундамента мысли, лежащей в основании деятельности человека, его психики. При этом деятельность, о которой речь, носит общественный характер, но является не набором случайным образом сложившихся коллективных практик — «социально-организованным опытом» [4], а взаимодействием с миром по его собственным законам, проистекающим из внутренней необходимости всеобщего процесса развития.

Основание и становление субъектности

С этих позиций подходит Э. В. Ильенков к теме субъектности. Она никак не «локализована» в его трудах, не помещена в специальный подраздел той или иной крупной работы, но буквально пронизывает написанное и сделанное им. Вопрос субъектности угадывается и в названии очерка «Что же такое личность?», рукописей «О природе способности», «Гегель и проблема способности» и многих других. Ярким, без всяких преувеличений исторически значимым воплощением концепции субъектности Ильенкова стал Загорский эксперимент по воспитанию слепоглухих детей. Развитие проблемы субъектности есть и в ключевых понятиях, в частности, понятии идеального.

Статья «Идеальное», к примеру, начинается со следующего определения: «Идеальное — субъективный образ объективной реальности, т. е. отражение внешнего мира в формах деятельности человека, в формах его сознания и воли. Идеальное есть не индивидуально-психологический, тем более не физиологический факт, а факт общественно-исторический, продукт и форма духовного производства. Идеальное осуществляется в многообразных формах общественного сознания и воли человека как субъекта общественного производства материальной и духовной жизни»². Мы видим здесь неразрывную связь субъективного образа, сознания, воли человека и объективной реальности, а также всеобщей, исторически конкретной формы духовного производства. Связь, распадающуюся в обыденных представлениях и множестве философских направлений на автономные образования «индивид» и «общество», которые затем соединяются внешним для них образом, отмеченным произволом того, кто соединяет. Вследствие такого распада каждая из сфер мнится обособленной, функционирующей по своим особым принципам, а значит сопоставимой с другой лишь условно, не по необходимости. Такое же расслоение переносится внутрь самого *Я*, создает биосоциальную разногласию подходов к проблеме человека и ставит под сомнение возможность действия субъекта по объективной логике вещей, т. е. осознанной целенаправленной деятельности.

Восстановить единство человека как «ансамбля общественных отношений», понять, что стоит за расхожей цитатой из «Тезисов о Фейербахе» («...Сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных

¹ Ильенков Э. В. Фихте и «свобода воли» [Электронный ресурс] // Caute: [сайт А. Д. Майданского]. URL: <http://caute.ru/ilyenkov/texts/phc/fichtela.html> (дата обращения: 17.12.2024).

² Ильенков Э. В. Идеальное [Электронный ресурс] // Caute: [сайт А. Д. Майданского]. URL: <http://caute.ru/ilyenkov/texts/enc/ideale.html> (дата обращения: 17.12.2024).

отношений» [8, с. 3]), невозможно, не исследовав проблему начала человеческого бытия, не задав вопрос о том, как и в результате чего индивид присваивает сложноструктурированные схемы взаимодействия с окружающим миром, входит в пространство объективных смыслов деятельности. И этот момент не обошел стороной Ильенков. В очерке «Что же такое личность?» мы читаем, что личность формируется в ходе производства средств для жизни в системе, подразумевающей активное присвоение индивидом родовых сил человечества *через отношение человека к вещи и через нее к другому человеку*.

Можно увидеть, что этот путь начинается на самых ранних этапах жизни. Ребенок не обладает определенной формой осуществления жизнедеятельности от рождения, ее он вынужден перенять от того, кто о нем заботится. При этом он не в состоянии точно воспроизвести действия взрослого. Единственный способ научиться — *изменить* это действие, воспроизвести его суть с учетом своих возможностей. Любое восприятие и ощущение обретают смысл только в акте этого действия, оно же направляется внешним предметом, оказывается продиктовано его объективными свойствами. Так через субъективность другого и обратную связь от объективной действительности происходит вхождение в культурно-историческое пространство бытия. Действие обретает субъективный смысл, становится способностью субъекта, а затем обособливается как *форма мышления*.

Точно так же происходит и в дальнейшем, принцип становления субъектности сохраняется в отношении социальных групп, общественных движений, а точнее классов, и форм проявления классового интереса. Тогда субъектность осуществляет себя при реализации на практике общественной потребности, проистекающей из изменения способа организации труда, и чем больше интересы индивида сонаправ-

лены прогрессивным общественным тенденциям, тем ярче являют себя миру его способности, таланты. В этих условиях разворачивается действительная борьба, проходит проверку способность выдерживать напряжение противоречия.

Именно в этом проявляется свобода: «...акт постоянно длящегося освобождения из плена ближайших внешних обстоятельств, как деятельность мыслящего тела в мире вещей, тел»³. В процессе преобразования предмета и форм взаимодействия с ним открывается его категориальная логика, его сущностное содержание — идет ли речь о столовых приборах или о государственном устройстве. Более того, познание оказывается созиданием, или *опредмечиванием себя*. В предметном действии человек обнаруживает свой предел, границу действительных возможностей, что служит началом его отношения к самому себе. В действии же бесформенная, органическая нужда кристаллизуется как потребность, обретает реальный образ [5]. Самость становится благодаря распределению внешних форм, освоению внешних способов существования, которые переходят в полагание себя как осуществление объективной необходимости. Субстанцией, единством всего многообразия и основополагающим принципом здесь является предметно-преобразовательная деятельность — труд.

Но действие и форма мысли не всегда сцеплены воедино — последняя обособляется, опосредствуется символическими системами, в том числе речью, языком — «...нельзя, — предостерегает Гегель, — посредством него выразить ничего, что не являлось бы всеобщим» [2, с. 114]. В языке фиксируются схемы, которые человек выводит как основание единичной предметности, строит на них восприятие окружающего мира. Вовлечение индивида в пространство смыслов и образов конкретной исторической

³ Ильенков Э. В. Фихте и «свобода воли»...

данности происходит посредством языкового и неязыкового общения, что делает человека изначально существом общественным.

Стоит отдельно упомянуть, что категория «формы общения» (нем. *Verkehrsformen*) встречается в «Немецкой идеологии» К. Маркса и Ф. Энгельса и часто интерпретируется как прообраз категории «производительные отношения». Но на наш взгляд, она заслуживает особого к себе внимания. Конкретно-историческая целостность — исторически определенный способ взаимодействия людей в процессе производства условий собственного существования — включает в себя, как пишет В. Ф. Шелике, три стороны: создание людьми средств жизни ради удовлетворения потребностей жизни, создание людьми новых потребностей жизни в процессе удовлетворения потребностей жизни посредством орудий труда, а также создание людьми других людей в процессе ежедневного создания собственной жизни и создание людьми отношений между людьми [10, с. 75—79]. Все эти стороны подразумевают совместную деятельность индивидов. Но такая деятельность становится возможной через исторически обусловленные формы их самодеятельности. То есть индивидуальный способ самополагания, удовлетворения своих потребностей в обществе, заданный характером того, как общество относится к природе, делает возможным индивидуальную жизнь, но при этом является способом включения этой жизни в общественное целое. Эти индивидуально-общественные формы и представляют собой формы общения. Неслучайно немецкое слово *Verkehr* столь многозначно — это и обращение, и транспортное сообщение, и половые сношения... Через индивидуальные формы действия и взаимодействия человек становится причастен общеродовой сущности. «Только в коллективе индивид получает средства, дающие ему возможность всестороннего

развития своих задатков, и, следовательно, только в коллективе возможна личная свобода» [9, с. 75].

В ходе исторического развития растет многообразие форм общения, но пока их возникновение остается стихийным, а индивид застаёт их как данность, они неизбежно несут на себе отпечаток подчинения интересов одной группы людей — эксплуатируемых, — интересам другой группы, эксплуататоров. «В существовавших до сих пор суррогатах коллективности — в государстве и т. д. — личная свобода существовала только для индивидов, развившихся в рамках господствующего класса, и лишь постольку, поскольку они были индивидами этого класса» [9, с. 75]. Соответственно, формы общения носят обесчеловеченный характер по отношению к первым, а коллективность предстает как самодовлеющая сущность, из условия свободного самополагания превращается в оковы. Поэтому в «Немецкой идеологии» коммунизм — цель исторического развития, характеризующаяся снятием отчуждения индивида от родовой сущности, — определяется как производство самой формы общения.

Нередко философская, научная, да и обыденная мысль впадала в иллюзию, что особые формы взаимодействия между субъективностями и есть начало человека, определяющий момент его природы. Однако постулируя это, она тут же подрывает принцип единства процесса развития. Что вызвало к жизни эти особые формы? Какую роль они играют с точки зрения природы или, шире, самодвижущейся материи? Сущность человека как общественного существа оказывается просто «дана» или же рождается в результате случайных природно-исторических коллизий, теряется сама необходимость ее появления. Понимание человека как воплощения субъектности законов самой действительности имеет своей первоосновой предметно-преобразовательную деятельность.

Хотя справедливо и то, что формы общения не всегда движутся синхронно со способом организации труда. Бывает, расхождения между ними порождают весьма драматические события в истории, «переворачивания» (нем. *Umwälzungen*), более известные как революции — обесчеловеченный характер господствующих форм общения по отношению к эксплуатируемым, и тот факт, что именно эксплуатируемые выступают в качестве производителей средств для жизни — действительных индивидов, — способствует формированию революционной субъектности или подлинной коллективности, которая со временем опрокидывает отжившую систему отношений, устраняет препятствия на пути дальнейшего развития. Но этот пример еще более наглядно демонстрирует нам, что формы общения черпают свое смысловое содержание в предметно-преобразовательной деятельности, а любой другой источник означал бы вынесение их за скобки всеобщего процесса развития.

Подход к осмыслению проблемы субъектности сегодня

Итак, человек организует пространство вокруг себя, создает формы предметности, системы, которые есть не что иное, как он сам, представленный вовне. В то же время вещи разворачиваются в сознании, в деятельности человека как их принцип существования и как его субъективная способность. Цикл опредмечивания — распределенности, о котором пишет Ильенков в «Диалектической логике», есть становление той самой таинственной «сущности человека», которую искали и ищут то на небесах, то в мозге, то в других органах.

Возвращаясь теперь к проблемам насущным, нам уже гораздо легче ответить на вопрос, что именно мы продолжаем искать в работах Э. В. Ильенкова, когда пытаемся узнать больше о самих себе, хотя живем в другое время, в другом обществе. Обществе, чуть ли не ежедневно производящем

несметное количество теорий и практик, призванных «гармонизировать» отношение с собой и с другими, улучшить самочувствие и поднять жизненный тонус. При этом как бы ни расширялось предложение, за счет ли новых научно доказанных, экспериментально подтвержденных методов или же проверенных веками обрядов, пришедших к нам от мудрых предков, спрос остается неудовлетворенным, и это вовсе не случайность, не временная недоработка. Подавленное чувство свободы — вот то, что эксплуатируется современными производственными отношениями, функционирующими как «фабрика грез».

Немало сказано и написано об отчуждении. «Десятки миллионов оторванных рук, ног и голов с мозгами», — так душераздирающе Э. В. Ильенков охарактеризовал практику отчужденного труда, ставшую повсеместной. Сегодня эта страшная метафора еще более чувственно достоверна. Но, как писал М. А. Лифшиц, даже в сытом благополучии лишенный возможности влиять на свою судьбу человек не может найти себе покоя [6, с. 444]. Вместо утраченного центра в Я индивид находит в форме товара массу образов-заместителей, обещающих доселе невиданные возможности.

Основательные, добросовестные попытки рефлексии текущего положения вещей широко представлены в западной философской мысли, но объединяет их горький пессимизм в отношении сознательного целополагания и зачастую судьбы человека в целом. Критическое осмысление этих концепций — тема отдельного исследования. Отметим лишь, что среди характерных для них черт — стремление проникнуть в суть самости путем бесконечной интроспекции, поиск скрытых желаний, диктуемых внутренней витальной силой (психоанализ), устранение самой проблемы самости как фикции (аналитическая философия), десубъективация человека, перенос субъектности на сторону объекта (новый материализм). Таков логический итог созерцательного подхода, стремления видеть

сущность человека не как процесс творческого созидания, но как внутреннюю или внешнюю абстракцию.

Обращение к трудам Э. В. Ильенкова дает возможность выхода из гегелевского «кружения вокруг себя», позволяет увидеть перспективу, отличную от бесцельного «самосовершенствования» или бесконечной погони за материальными благами. Изменение себя путем изменения мира вокруг себя в сторону более истинных определений — в этом суть и предназначение человеческого бытия, ключ к пониманию проблемы субъектности.

Список литературы и источников

1. **Аристотель.** Никомахова этика / пер. Э. Л. Радлова. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2020. 222 с.
2. **Гегель Г. В. Ф.** Энциклопедия философских наук. Т. 1: Наука логики / под ред. Л. В. Туманова. М.: Мысль, 1974. 451 с.
3. **Ильенков Э. В.** Диалектическая логика. Очерки истории и теории. М.: Политиздат, 1974. 271 с.
4. **Ильенков Э. В.** Проблема идеального // Вопросы философии. 1979. № 6. С. 128—140.
5. **Ильенков Э. В.** Психология / публ. [с предисл.] А. Г. Новохатко // Вопросы философии. 2009. № 6. С. 92—105. EDN: KMKLAB.
6. **Лифшиц М. А.** Карл Маркс и современная культура // Карл Маркс: Искусство и общественный идеал / М. А. Лифшиц. М.: Худож. лит., 1972. С. 442—470.
7. **Лобастов Г. В.** Философско-педагогические этюды. М.: Микрон-принт, 2003. 329 с. EDN: TLZVEJ.
8. **Маркс К.** Тезисы о Фейербахе // Сочинения: в 30 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. 2-е изд. Т. 3. М.: Госполитиздат, 1955. С. 1—4.
9. **Маркс К., Энгельс Ф.** Немецкая идеология. Критика новейшей немецкой философии в лице ее представителей Фейербаха, Бауэра и Штирнера и немецкого социализма в лице его различных пророков // Сочинения: в 30 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. 2-е изд. Т. 3. М.: Госполитиздат, 1955. С. 7—544.
10. **Шелике В. Ф.** Исходные основания материалистического понимания истории (По работам К. Маркса и Ф. Энгельса 1844—1846 гг.). Бишкек: Илим, 1991. 227 с.

References

1. Aristotle. *The Nicomachean Ethics*. Transl. J. A. K. Thomson. Rev. with notes and append. by H. Tredennick. Introd. and further reading by J. Barnes. London: Penguin Books, 2004. 400 p. Penguin Classics.
2. Hegel Georg Wilhelm Friedrich. *The Science of Logic*. Transl. G. Di Giovanni. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2015. 866 p. Cambridge Hegel Translations.
3. Ilyenkov E. V. *Dialectical Logic. Studies in History and Theory*. Moscow: Politizdat, 1974. 271 p. (In Russian).
4. Ilyenkov E. V. "Problem of the Ideal". *Voprosy filosofii* 6 (1979): 128—140. (In Russian).
5. Ilyenkov E. V. "Psychology". Publ. [with an introd.] by A. G. Novokhat'ko. *Voprosy filosofii* 6 (2009): 92—105. (In Russian).
6. Lifshits M. A. "Karl Marx and Modern Culture". *Karl Marx: Art and Social Ideal*. By M. A. Lifshits. Moscow: Khudozh. lit., 1972. 442—470. (In Russian).
7. Lobastov G. V. *Philosophical and Pedagogical Studies*. Moscow: Mikron-print, 2003. 329 p. (In Russian).
8. Marx Karl. *Theses on Feuerbach, The German Ideology and Related Manuscripts*. New York: International Publishers, 1976. 687 p. Vol. 5 of *Collected Works of Karl Marx and Friedrich Engels, 1845—1847*.
9. Marx Karl, Engels Friedrich. *The German Ideology, including Theses on Feuerbach and the Introduction to Critique of Political Economy*. Amherst, NY: Prometheus Books, 1998. 571 p. Great Books in Philosophy.
10. Schälike Waltraut F. *Initial Bases of Materialistic Understanding of History (According to Works of K. Marx and F. Engels, 1844—1846)*. Bishkek: Ilim, 1991. 204 p. (In Russian).

Информация об авторе

Листратенко Наталья Владимировна — участник Российского философского общества «Диалектика и культура» (Россия, 124498, Москва, Зеленоград, 247-30).

Information about the author

Natalia V. Listratenko — member of the Russian Philosophical Society "Dialectics and Culture" (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, 247-30).

Статья поступила в редакцию 27.02.2024.

The article was submitted 27.02.2024.